

Всероссийская олимпиада школьников по литературе**Муниципальный этап****11 класс**

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Томас Белли Олдрич

**Воспоминания американского школьника
(фрагмент)**

Стоячие часы в коридоре пробили девять раз.

Тетушка Эбигэйль всегда требовала, чтобы ровно в девять часов мы сидели за утренним завтраком. Я уже нажал ручку двери в столовую, но вдруг услышал, что дедушка назвал мое имя. Я остановился и прислушался.

- ...новые товарищи и занятия развлекут Тома. Не следует оставлять ребенка одного в нашем стариковском доме. Это совсем бесполезно в его возрасте.

- Каковы же ваши намерения, Даниэль? - произнес голос тетушки.

- Я думаю сегодня же отвести его в школу к мистеру Гримшау.

Сердце у меня забилось. Сегодня же в школу! Я долго ждал этого дня и много раз представлял себе, как я войду в класс, как меня обступят мальчишки, и я сразу со всеми подружусь; на перемене я буду быстрее всех бегать и лучше всех играть в мяч. Но я никак не ожидал, что это будет так скоро. И мне стало страшно.

Я вошел в столовую.

- Ты опоздал на три минуты, Том, - сказала тетушка. - Садись и пей кофе. После завтрака я сообщу тебе что-то важное.

Я наскоро проглотил свою чашку кофе, и тетушка начала:

- Том, я и твой дедушка решили, что с сегодняшнего дня ты начнешь посещать школу. Мы надеемся, что ты будешь примерно вести себя и хорошо учиться. Пойди, надень другую курточку. Китти уже снесла тебе наверх свежий воротничок.

Я быстро переоделся и опять спустился вниз. Дедушка ждал меня с цилиндром и тростью в руках. Но не так-то легко было вырваться из рук тетушки Эбигэйль. Она раз пять заставила меня повернуться, осмотрела со всех сторон, двумя пальцами сняла с курточки пушинку и собственноручно пригладила щеткой мои вихры.

- Смотри, Том, слушайся учителя и осторожно выбирай товарищей. Приличный мальчик дружит только с детьми порядочных родителей.

Дедушка взял меня за руку, и мы отправились

Школа называлась очень странно: «Храм Грамматики».

Это было кирпичное двухэтажное здание, с окошками без занавесок и с дверью, выкрашенной желтой краской.

На большом дворе росло четыре дерева. Вся земля вокруг них была утоптана, и чахлые травинки робко выглядывали только у самых стен дома и вдоль решетки двора. В передней на вешалке висело с полсотни самых разных шляп, а одна лежала в углу на подоконнике, до краев набитая кругленькими камешками.

Дедушка спросил, где мистер Гримшау, и нас повели к нему в кабинет.

Мистер Гримшау был высокий и худой, с острыми коленями и локтями. Когда он нагнулся, чтобы поздороваться со мной, он стал похож на складную линейку.

- Я привел вам внука, мистер Гримшау, - сказал дедушка. - Найдите ему местечко в вашей школе.

- Рад служить, капитан Нёттер, - ответил мистер Гримшау.

Дедушка пожал ему руку и взял со стола свой цилиндр.

- Ну, Том, не робей.

Мистер Гримшау усадил меня на высокий, жесткий стул с решетчатой прямой спинкой.

- Посмотрим, что ты знаешь, - сказал он и стал перелистывать толстую книгу.

Я смотрел на него, затаив дыхание.

У мистера Гримшау была удивительная прическа. Реденькие волосы веером лежали на блестящей лысине. Каждый волосок отдельно прилегал к желтой коже как приклеенный.

- Прочитай-ка этот рассказ, - сказал он и ткнул длинным пальцем в раскрытую страницу. Я прочел без запинки о том, как собака Джой спасла из огня ребенка и положила его к ногам плачущей матери.

- Хорошо, - сказал мистер Гримшау. - Теперь скажи мне... Ты приехал из Нового Орлеана? Что ты знаешь о южной флоре?

- Я ничего не слыхал об этой даме... Вероятно, она живет в другом городе?

Мистер Гримшау засмеялся.

- Я спрашиваю, какая растительность на юге?

- Это я знаю. В нашем саду росли апельсиновые и лимонные деревья, магнолии. Очень много роз было. Бананы. Еще мимозы.

- Какое государство расположено на Пиренейском полуострове?

- Испания.

- А чем занимаются жители Испании?

- Я знаю только про двух испанцев: про Колумба и про Дон Кихота. Колумб открыл нашу Америку, а Дон Кихот был рыцарь. Он носил на голове циркулярный таз и дрался с ветряными мельницами.

- Ты, кажется, очень любишь читать, Белли, - сказал мистер Гримшау, улыбаясь. - Посмотрим теперь, как ты пишешь. Напиши-ка сочинение: «Лошадь - полезное домашнее животное».

Я подумал и начал писать. На третьей строчке я посадил большую кляксу, испугался и посмотрел на мистера Гримшау.

- Ничего, - сказал он, - пиши дальше.

Через четверть часа сочинение было готово. Мистер Гримшау взял его и прочитал вслух: «Лошадь полезное домашнее животное. Интересно иметь Лошадь. У меня есть Лошадь. Ее зовут Джипси. Она кусает тех, кого не любит. Один раз я мыл ей передние ноги, она нагнула голову и подняла меня на воздух за понтолоны и бросила меня в лохань с водою, которая стояла возле. Но все-таки она меня любит. Ей уже полтора года. Том Белли».

- Ну, хорошо, - сказал мистер Гримшау. - Только надо писать «панталоны», а не «понтолоны». И как бы ты ни любил свою Джипси, лошадь все-таки пишется с маленькой буквы. А теперь пойдем в класс.

В классе шестью рядами стояли зеленые парты. Сорок два мальчика сидели за партами. Когда мы вошли, мальчики как по команде повернули головы и уставились на меня.

- Новенький... Вихрастый... Краснокожий... - зашептали со всех сторон.

Я почувствовал, что в самом деле становлюсь краснее краснокожего. Ноги у меня прилипли к полу и ни за что не хотели двигаться. Но мистер Гримшау строго посмотрел на мальчиков, и жужжание стихло.

Я прошел между двумя рядами парт и сел на третью скамейку, как велел мне мистер Гримшау.

- Фред Лангдон, - позвал учитель.

Худенький черномазый мальчик вскочил со второй скамейки и подошел к доске. Он вытащил из кармана что-то вроде деревянных щипчиков и зажал ими кусок мела.

- Это что за штука, Фред? - спросил мистер Гримшау.

- Это такая держалка для мела. Я сделал ее для того, чтобы не пачкать рук.

- Вечно ты что-нибудь выдумаешь. Ну, пиши. «Дилижанс вышел из Филадельфии в три часа пополудни. Из Бостона навстречу ему...»

Мел выскочил из держалки Фреда Лангдона и покатился по полу.

- Ну ты, изобретатель, - сказал мистер Гримшау, - спрячь свои щипчики в карман и пиши, как все.

Грифели заскрипели, класс занялся решением задачи.

Рядом со мной сидел толстенький мальчик с лицом, осыпанным веснушками, как булочка маком. Мальчик от усердия наклонил голову набок и прикусил кончик языка. Грифель его пронзительно визжал. На всех книжках и тетрадках этого мальчика было написано каракулями: «Перец Виткомб. Ученик ривермутской школы».

Перец Виткомб заметил, что я смотрю на него, подмигнул мне и стал делать какие-то непонятные знаки. Знаки были дружелюбные. Я улыбнулся во весь рот и закачал мальчику головой.

«С этим непременно подружился».

Рыжий мальчик из четвертого ряда скорчил гримасу и погрозил мне кулаком.

«А с этим, наверное, драться будем. Еще посмотрим - кто кого».

Туго свернутый бумажный шарик ударил меня в затылок. Я обернулся. С другого конца класса приглаженный мальчик в аккуратной курточке с блестящими пуговицами показывал мне беленький пакетик. Пакетик заскользил из рук в руки и через минуту доехал до моей парты.

Я развернул бумажку с надписью: «От Чарлза Мардена». В пакетике лежал кусок медового пряника. «Вот это мило...»

Я сунул пряник в рот. «Ой!..» Что-то обожгло мне язык и горло, как будто я проглотил горящий уголь.

Пряник был начинен красным кайенским перцем.

Слезы брызнули у меня из глаз, рот сам собой раскрылся, как крокодильи пасть.

Марден прыснул. Вокруг захохотали. мистер Гримшау постучал линейкой по столу.

- Что случилось? - спросил он строго и посмотрел на нас. Сразу стало тихо. Я вытащил платок и сделал вид, что сморкаюсь.

- Смеяться можно на перемене, - сказал мистер Гримшау. - На уроке надо вести себя прилично. - И стал диктовать новую задачу.

Прозвонил звонок. Мистер Гримшау вышел.

Мальчики повскакали с мест и обступили меня.

- Молодец! Вот это так молодец! - закричал Перец Виткомб. - Видно, что ты умеешь держать язык за зубами. Мардену бы здорово досталось. На тебе половину моего яблока.

Чарлз Марден, мальчик с блестящими пуговицами, протискался сквозь толпу и хлопнул меня по плечу.

- Ты хороший парень, Белли, жаль, что я угостил тебя кайенским перцем. Хочешь, будем дружить?

Я пожал ему руку, и мы всей толпой побежали во двор.

- Эй, новичок, поди сюда! - окликнул меня тот рыжий мальчик, что на уроке грозил мне кулаком. - Раз ты поступил к нам в школу, на тебя надо наложить клеймо.

- Если у вас так принято, я согласен. Только что это за клеймо?

- Без рассуждений! Сэт Роджерс, ну-ка, помоги!

- Брось свои шутки, Конвей! - закричал чей-то голос. К нам подбежал высокий парень. Ему, наверное, было не меньше двенадцати лет.

- Оставь в покое Тома Белли! - крикнул высокий парень. - Твоя физиономия может ему не понравиться. Гляди, чтобы он сам на нее клейма не поставил. Поворачивай оглобли!

Конвей посмотрел на высокого исподлобья, дернул плечом, но поспешил убраться. За ним поплелся Сэт Роджерс, верная тень Конвея.

- Джек Гаррис! Джек! Иди играть! - позвали высокого с другого конца двора.

- Сейчас! - крикнул Джек Гаррис и опять обернулся ко мне. Понимаешь, новенький, этот Конвей ужасный приставала. Он не отлипнет, пока ты его не вздуешь. Но это еще успеется, а сейчас пойдем играть в мяч. Эй, Блэк, где ракетка?

Блэк старательно вырезал перочинным ножом свой вензель на коре дерева. Он сложил ножик, сунул в карман и побежал за ракетками.

- По местам! - закричал Гаррис.

Мячик полетел над головами.

- Мастер Том! Мастер Том! Пора вставать! - кричит у меня за дверью Китти.

Я вскакиваю как встрепанный. Наскоро одеваюсь и бегу к умывальнику. Брызги так и летят во все стороны. Маленькие озера с островками из мыльной пены разливаются вокруг умывальника.

Раз, два - щеткой по волосам, и я готов.

В столовой над спиртовкой шипит кофейник. Тоненький огонек спиртовки чуть виден на солнце. Кажется, что чайник шипит сам по себе. За столом уже сидит тетушка Эбигэйль. Она держит в руке широкий нож и, оттопырив мизинцы, как рожки, намазывает маслом ровные ломтики хлеба.

Я не знаю, когда встает тетушка. Я никогда не видел ее растрепанной, в халате и утренних туфлях. На ее букольниках всегда топорщится свежевыглаженный чепец, и складки на жестком платье лежат как приклеенные.

Я, обжигаясь, проглатываю чашку кофе и хочу вскочить, но тетушка удерживает меня за руку и пододвигает ко мне два яйца всмятку и тартинки с сыром.

Я очень боюсь опоздать в школу. Кое-как покончив с завтраком, я хватаю сумку и бегу через весь город.

Первые дни я так торопился, что приходил в школу раньше всех и каждый раз пугался.

На школьном дворе было тихо и пусто. «Опоздал... Уже занимаются...» Я тихонько открывал дверь и заглядывал в гардероб. Но на вешалках ни одной шапки, на полу - ни одной бумажки. Успокоенный, я выходил во двор, садился на длинную скамейку и поджидал товарищей.

Скамейка вся была покрыта вензелями - в круглых, шестиугольных, квадратных рамках или вовсе без рамок: Г.Б, Г.Б., Г.Б. Это значило Генри Блэк, Генри Блэк, Генри Блэк. Я сидел на скамейке и болтал ногами. Первым после меня приходил мальчик с длинной палкой в руке. Палку он всегда оставлял на дворе, потому что мистер Гримшау не позволял нам ходить с палками. Это и был тот самый Генри Блэк, который вырезал все вензеля на скамейке. Жил Генри Блэк далеко от города, и по его сапогам - лучше, чем по барометру, - можно было узнать, какая стоит погода: в дождливые дни сапоги были покрыты коричневой жирной грязью, а в сухие - густой серой пылью.

Потом приходил Чарлз Марден, который в первый же день угостил меня пряником с кайенским перцем. У этого сапоги блестели во всякую погоду. На голове у него была лакированная шляпа с лентой, а на куртке два ряда золотых пуговиц. Никто бы никогда не угадал, что припрятано в карманах этой синей с золотыми пуговицами куртки. Что там может быть, кроме аккуратно сложенного носового платка и записной книжки? А в карманах у Мардена были тоненькие гвоздики, чтобы прибивать к столу шляпы наших учителей, иголки с нитками, чтобы зашивать рукава их пальто, перец в бумажке, чтобы подсыпать в их табакерки или угощать таких новичков, как я.

Меня-то он больше перцем не угощал. Во-первых, я уж не считался новичком, а во-вторых, мы с ним подружились и вместе воевали с нашими врагами - рыжим Конвеем и его верным спутником Сэтом Роджерсом.

Чарлз Марден усаживался на скамейку рядом с Блэком, и мы втроем, дружно посвистывая, дожидались остальных членов нашей компании. Это были: веснушчатый Перец Виткомб, мой сосед по парте, Фред Лангдон и Бенни Уоллес.

Фреда Лангдона прозвали «Лангдон-изобретатель», потому что он всегда что-нибудь изобретал: точилки для перьев из ореховой скорлупы, щипцы, чтобы вытаскивать мячик из лужи, мышеловку из грифельной доски, старой кастрюльки и куска проволоки.

А Бенни Уоллеса все в классе называли «маленький Уоллес» или «маленький Бенни», а то и просто «маленький». Он и в самом деле был меньше всех в школе. Бенни приходил перед самым звонком. У него не было матери, и он вместе со своей сестрой Мэри вел все домашнее хозяйство.

Мы уже знали: раз пришел Бенни - значит, сейчас будет звонок. На крыльцо выходил мистер Гримшау, он жил в школьном доме, и сам звонил в колокольчик.

Начинались уроки. Стучали крышки парт, шелестела бумага, визжали перочинные ножи. Мистер Гримшау подымался на кафедру. Мистер Гримшау заменял у нас пять учителей. Он учил нас английскому языку, латинскому языку, географии, истории и арифметике. И на всех уроках он вел себя по-разному. На уроках истории это был торжественный мистер Гримшау. Он стоял на кафедре, как памятник на площади, с поднятой рукой, и рассказывал нам о Джордже Вашингтоне и Аврааме Линкольне.

На арифметике мистер Гримшау был похож на мельника. Весь белый от мела, он стряхивал с ладоней белую пыль и говорил скороговоркой о фунтах, мешках, долларах и центах.

Латинский мистер Гримшау сидел на кафедре с закрытыми глазами и, прижав руку к щеке, будто у него болят зубы, нараспев спрягал глаголы.

А в английском мистере Гримшау было всего понемножку: диктовки он диктовал, закрыв глаза, стихи читал, стоя как памятник, а грамматические правила объяснял у доски, весь перемазанный как мельник.

Кроме мистера Гримшау, у нас было еще два учителя; учитель французского языка - француз Боннэ, и учитель чистописания.

На голове у француза торчал взбитый хохолок, а под подбородком топорщился огромный бант. Садясь на стул, француз бережно раздвигал фалды своего зеленого фрака. А когда сердился - топал ногой в лакированном башмаке, и белый бант дрожал у него на груди, как бабочка, которая собирается улететь. Но мы нисколько не боялись Боннэ и даже нарочно дразнили его, чтобы посмотреть как трясется белый бант.

Зато на уроках чистописания было тихо как в гробу. Все сидели, прикусив языки, и старательно выводили: Авраам Линкольн справедливо считается бескорыстным патриотом. Прилежание и внимание - украшение примерного ученика.

Мистер Мольбери расхаживал между партами с желтой лакированной линейкой наготове. Ходил он на цыпочках, еле слышно. Но стоило вам шепнуть словечко соседу или посадить кляксу на разграфленный лист, как линейка с размаху опускалась вам на пальцы. Мистер Мольбери вырастал за вашей спиной точно из-под земли. Глаза у него были как два буравчика, маленькие и острые, и он сразу видел, что делается во всех четырех углах класса.

Мы терпеть не могли уроков чистописания...

Созвездие Гончих Псов

Мимо созвездия Девы,
Созвездий Льва и Весов
Несется по темному небу
Созвездие Гончих Псов.

Клубится, шурша по следу их,
Космическая пурга.
Комету ль они преследуют?
Иль гонят во тьме врага?

Я видел их тени тугие
Сквозь дымку мальчишских снов,
И были они как живые,
К тому же слова какие:
"Созвездие Гончих Псов"!

Детство прошло, умчалось,
Растаяло без следа,
А песня в душе осталась,
И, кажется, навсегда.

Несется собачья стая
Мильоны веков вперед.
И я, как в детстве, гадаю:
Куда они? Кто их ждет?

Какая их гонит тайна
Средь стужи и тишины?
А вдруг они там отчаянно
Ищут во тьме хозяина,
С которым разлучены?

Он добрый, веселый, звездный,
Но с очень дальних времен
Где-то во мгле морозной
Чудищами пленен.

В безбрежье миров и столетий,
Где не был ни звук, ни взгляд,
Он к черной гигантской планете
Магнитным кольцом прижат.

Там странные измерения:

Сто верст - только малый шаг,
Столетье - одно мгновение,
А озеро - жидкий мрак...

Чудища, плавая в реках,
И после, сушась на скале,
Звездного человека
Держат в пещерной мгле.

Столапые электриды -
В каждой лапище - мозг,
Внушают ему, чтоб выдал
Он все, что когда-то видел,
А главное - тайну звезд!

Как они загораются,
Стужу гоня с планет?
Чем они остужаются?
Как погасить их свет?

Так, молча и некрасиво,
Жуя студенистую тьму,
Волю свою терпеливо
Они внушают ему.

А он не дает ответа.
И только упрямое: SOS!
С черной, как мрак, планеты
Шлет светлому миру звезд!

Зов по вселенной несется,
И все, что хоть где-то живет,
Говорит: - Високосный год. -
Или: - Год активного солнца.
И только в бездонном мраке,
Где нет ни ночей, ни дней,
Огненные собаки
Мчатся еще быстрее!

Все ярче глаза сверкают,
Струной напряглись хребты,
И жаркие искры роняют
Пламенные хвосты.

Вселенная бьет клубами
Космической пыли в грудь,
И тонко звенит под когтями

Серебряный Млечный Путь...

Но сквозь века и пространства
Домчат они и найдут
Планету Черного Царства
И чудищ перегрызут.

Лапы - на плечи хозяину,
И звездный вздохнет человек.
Вот она, главная тайна,
Основа всего мироздания:
В любви при любом испытанье
И преданности навек!

Невздадам конец! Победа!
Гремите, звезд бубенцы.
Пусть волны тепла и света
Помчатся во все концы!

И вправо помчат и влево,
Неся серебристый гам.
И радостно вскрикнет Дева,
Поверить боясь вестям!

Рукою за сердце схватится,
Щекою прильнет к Тельцу,
И звездные слезы покатаются
По вспыхнувшему лицу!

Фантазия? Пусть! Я знаю!
И все-таки с детских лет
Я верю в упрямую стаю,
Что мчится за другом вслед!

Спадает с души все брэнное,
Истории бьют часы,
Звенит серебром вселенная,
Летят по вселенной псы...

Горят причудливо краски,
И, как ни мудра голова,
Вы все-таки верьте сказке.
Сказка всегда права!

Творческое задание.

Известный итальянский философ и писатель Умберто Эко в эссе «О литературе» отмечает: «Сейчас мы спорим о будущем электронных книг, которые позволят нам читать хоть сборник анекдотов, хоть «Божественную комедию» на жидкокристаллическом экранчике. Сразу оговорюсь: я не собираюсь сейчас вдаваться в сложную дискуссию об электронных книгах. Естественно, я принадлежу к той категории читателей, которые предпочитают роман или стихотворение в бумажном томе и помнят, какой у него корешок и объем. Мне доводилось слышать, что в последнее время выросло поколение компьютерщиков, которые за всю свою жизнь ни одной книжки не прочли, но с появлением *e-books* хоть немного приблизились к читающему миру и узнали, например, кто такой Дон Кихот. Конечно, они приобрели новое знание, но ухудшили зрение. А если грядущие поколения обретут гармонию (психологический и физический баланс) с электронной книгой, власть «Дон Кихота» останется неизменной».

В рамках творческого задания олимпиады поразмышляйте над следующими вопросами: «Власть какой книги именно вы считаете неизменной? Какой читательский выбор для «электронного чтения» вы бы сделали, если бы делились своими размышлениями о литературе, как делает это Умберто Эко?».

Постройте и запишите своё размышление в форме **выступления в дискуссии со своими ровесниками**.

Не забудьте аргументировать свою позицию, привести конкретные примеры (явления, факты, ситуации и пр.), выявить или обозначить по возможности литературные или иные параллели. Обратите внимание, что речь должна идти об **ОДНОЙ** книге (или об **ОДНОМ** произведении).